

1

НАЧАТЬ СНАЧАЛА

Я переехала в Берлин в начале февраля, пока бродящие внутри меня вина и стыд не обзавелись внешними симптомами. Эти чувства никак нельзя было соотнести с вызвавшими их событиями: пьяное признание в чувствах мужчине, по которому я сохла целый год; ссора с соседкой из-за найденного котенка; внезапное увольнение без причины и нежелание даже читать гневные сообщения начальницы после этого. Ничего особо значимого в контексте моей жизни, ничего особо запоминающегося — простое наплеватьство и поступки, которые медленно портят все вокруг. День за днем я понемногу разрушала свою жизнь. Теперь понимаю, что все можно было исправить, но всегда проще казалось начать с чистого листа, а не отдуваться за уже свершившийся провал.

Я уехала из Лондона, никому не сообщив и ни с кем не попрощавшись. В Берлине начать сначала легче всего: здесь каждый выглядит как приезжий. Люди даже одеваются по-походному:

носят поясные сумки, банданы и навороченные рюкзаки с пристегнутыми бутылками для воды. Поначалу я была в шоке от того, какой город грязный. Но не в красочном старомодном смысле — забудьте о слякоти, навозе, другой органической мути, после которой так и хочется хорошенько натереться мылом в конце тяжелого рабочего дня. Нет, я про вводящий в депрессию современный мусор, показатель парадоксального перебора и недобора: уродливые экобанки для йогурта и вечные полиэтиленовые пакеты, кроссовки и трухлявые матрасы, усыпанные осколками бутылок.

Первую квартиру я снимала в Кройцберге, бедном районе старого Запада, в Szeneviertel, «Сценефиртель» (классное соседство), у метро «Коттбуссер Тор». Берлинцы любовно зовут район «Котти», что пригодились мне для мнемонического запоминания немецкого слова «блевать»: kotzen, «котцен». Квартира располагалась над наркологической клиникой, так что, проходя и уходя, я ловила взгляды тихой кучки расстрепанных наркош с голубоватыми зрачками, мечущимися в белоснежных белках глаз. От них ничем не пахло, и никто из парней не пытался поймать дверь, когда она за мной закрывалась. Они просто мялись на месте или вставали, чтобы впустить меня, а потом снова устраивались как можно плотнее на придверном коврик.

Там было не очень. На лестнице не было окон и воняло канализацией. Занавеска в душе

едва поддавалась, будто отягощенная плесенью, а слив в туалете работал только наполовину. Трубы были настолько старыми, что на вкус вода отдавала кровью. Шкафчиков на кухне не было, только приспособленные под стеллажи стремянки с одеждой и книгами, где мне разгребли пару ступенек. Снимала квартиру я у австрийца, танцовщика балета, который когда-то учился вместе с кем-то, кого я отдаленно знала по лондонской кофейной тусовке. У нас был один размер, так что я могла носить все его кофты, обувь и скоро освоилась, как ворон в темной стае Кройцберга из адидасов и хулиганских свитеров.

В первые дни я никуда особо не ходила: ездила на метро в восточную часть города учить немецкий. Первые два часа мы занимались грамматикой, потом был перерыв, а оставшиеся два часа делали упражнения на аудирование и говорение. В классе А1.1 было всего семь учеников, и троих из них звали разными вариациями имени Кэтрин. Катя приехала из Санкт-Петербурга и игриво называла своего испанского парня-пекаря Чоризо. Когда мы познакомились, у нее были густые до талии русые волосы, с которыми она все время играла: выбирала секущиеся кончики, взъерошивала, как нервный, но лощеный воробей. Но через несколько месяцев она сделала стрижку боб и стала больше походить на берлинку, хотя лишилась своей очаровательной привычки. Была еще Каталина из Каракаса, сбжавшая со своим парнем Луисом от коммунистического

режима Мадуро. Внешне они были полными противоположностями: она — маленькая, изгибистая, яркая, а он — высокий, угловатый и пресный. Оба были врачами, но не имели лицензий на практику в Берлине, так что работали посменно в «Макдоналдсе» на Германштрассе, на загруженном перекрестке рабочего района Нойкёльн. Старушка, у которой они снимали квартиру, не выносила резких запахов и запретила им готовить жареное. Больше они ничего готовить не умели и в первые недели выглядели такими тощими, что Катя начала приносить им лишние булочки из пекарни Чоризо. А еще была Кэт из Швеции с короткой челкой и незамысловатым бесполом телом. Мы к ней позже вернемся.

После занятий я возвращалась на метро домой, в западные районы, и заучивала списки слов, сидя в спальне. Если было скучно, спускалась в «Ростерию Кармы», кофейню за углом. Это было непримечательное веганское местечко, хотя и выделялось на фоне кальянных и корнеров, где вполне средненький кофе продавался втрое дешевле эспрессо в «Карме». Я приходила, заказывала овсяный латте с мягкой пенкой, не то радуясь, не то желая сдохнуть от одиночества. Вспоминала предложения на немецком, которые поэтично звучали — «*Ich konnte den Glute des Feuers spüren*» («Я могла бы чувствовать горение огня»), — надеясь порадовать будущих собеседников. Повторяла сленговые выражения, которые подслушала в метро — «*Ich flitze mal zum Spandau rüber*» («Заскочу

в Шпандау»). Мне нравилось, как звучат названия берлинских районов, особенно сочетание согласных в «Панкове» и «Шпандау», двух конечных станций метро, про которые я до сих пор только названия знаю. Я переехала зимой и не хотела морозить себя прогулками, так что первые пару месяцев знала город только по неровным созвездиям станций метрополитена. И только потом, когда внезапно потеплело ночью третьего апреля, я начала заполнять пробелы на карте.

Но я забегаю вперед. Я рассказывала про свой быт в те хрупкие месяцы адаптации. После кофе я частенько шла в кино и отрабатывала навык покупать один билет: *«Ein Ticket bitte! Und ein kleines süßes Popcorn»*. Ужинала всегда поздно, после кино. Всегда одинаково: *Rotkohl*, «ротколь» (квашеной капустой), с горчицей, с овсяными хлопьями и овсяным молоком на десерт, — все брала в биосупермаркете «У Дэнна». Я много времени сидела в телефоне, тыкала, свайпала, обновляла страницы, проходясь по ободряюще знакомым картинкам приложений. Такой была жизнь сразу после переезда. Проживала то же самое день за днем, скованная скудным уровнем немецкого. Но мне было отлично. Мне нравилось повторять свои действия в точности, мысленно проходиться по ним, чувствуя себя атлетом или лошадью, понимая, что энергия юности и мерцание страсти вот-вот вырвутся, но держа их под контролем: я рано ложилась, спала одна, с наслаждением строила хореографию будущего дня, выбирала такой путь снова и снова.

Но бесконечно это длиться не могло. Теперь был почти март, срок аренды подходил к концу, танцовщик возвращался из Вены, и мне надо было искать новую квартиру. Я решила, что было бы неплохо снимать квартиру с кем-то, — надо было завести друзей, заложить фундамент социальной жизни, — так что я подала заявки в несколько коммуналок, или WG¹. Большинство объявлений были банальными: «Ищем чистоплотного ответственного жильца, трудоустроенного (простите, студенты), не против 420²». Так что я быстро нашла просторную комнату недалеко от «Котти». Я поселилась в двухкомнатной квартире с полячкой по имени Эва, которая была довольно милой, когда не курила метамфетамин. В другие дни она либо пропадала на технодискотеках в темных клубах, либо доставала своим присутствием — бродила по квартире во время отходняка. От мета у нее начинались паранойя и желание обвинять всех вокруг. Эва могла написать мне среди ночи: «Эй, ты видела мою красную толстовку? Если ты ее брала, то надеюсь, не потеряла, потому что это папина. А еще у меня пропала банка с подсолнечными семечками. Ты взяла?» Она проверяла, выключена ли духовка, закрыта ли дверь, оттирала раковину так, будто это ее душа. Я совершила ошибку и прогулила «побочные эффекты метамфитамино-

---

¹ Так немцы называют совместную аренду жилья, хотя термин *Wohnungsgemeinschaft* буквально переводится как «жилищное сообщество», что звучит довольно утопично.

² «Марихуана» на сленге.

вой зависимости», потому что наткнулась на статью о метамфетаминовом психозе и проявлениях жестокости. После этого я стала запира́ть дверь комнаты на ночь и даже просыпалась проверить, надежно ли она закрыта, все больше сомневаясь в том, кто из нас настоящий параноик. После «испытательного срока» в две недели я разочаровалась в идее жить с соседкой и стала искать отдельное жилье.

Вскоре я поняла, что новичкам везет и поэтому мне так быстро попадались квартиры танцовщика и Эвы. Пришлось просмотреть немало квартир, вынести тьму странных разговоров и выдавить из себя множество фальшивых улыбок в местах, провонявших потом и оттаявшими креветками. Высокий мужчина с бледными волосатыми ногами показывал мне светлую студию, пока его девушка пряталась под шатром из простыней. Красавчик-итальянец провел по квартире, откуда вывез всю старую мебель и обставил полностью икеевской. Я уже было отчаялась, что никогда ничего не найду и придется вернуться в Лондон, как встретила женщину, которая в целях моего рассказа будет упомянута лишь по инициалам Э.Г. Она искала кого-то, кто сможет присмотреть за ее квартирой-студией полгода, пока она в Сиэтле проходит курс Вашингтонского университета по брызгам и распространению крови в рамках учебы на криминолога. В объявлении она описала «уютное гнездышко в приятном районе рядом с метро «Германплац». Утверждала, что в квартире деревянный

пол и «очарование Hinterhof», в смысле, что окна выходят во двор, а не на улицу. Старые здания в Берлине часто стоят в глубине дворов, так что жизнь в *Hinterhof*, «хинтерхоф», — это своеобразный компромисс: в квартирах тихо, как правило, безопасно, но в эти дворы проникает очень мало солнечного света. Однако Э.Г. уточнила, что в ее квартире не только тихо и безопасно, но также очень светло, ведь там есть три больших окна.

Предстояло много чего продумать и спланировать, чтобы получить квартиру. А началось все с имейла.

Дорогая Э.Г.

Меня зовут Дафна, я аспирант на факультете философии, переехала учиться в Берлин из Лондона¹. Меня заинтересовала ваша квартира, я ответственно, хорошо отношусь к чужим домам и собственности². Без вредных привычек, тихая³. Напишите мне, если все еще ищете арендатора.

Всего наилучшего,

Дафна Фербер

P.S. Прошу прощения за письмо на английском.

У меня самый базовый уровень немецкого⁴.

---

¹ Неправда. В то время я переводила дух после ряда отказов от вузов, где есть магистратура по философии. Меня никуда не взяли.

² В перспективе правда, но пока что ложь.

³ Правда, пока кто-то симпатичный не угостит сигаретой.

⁴ В этой точке повествования еще какая правда.

Реакция на письмо была хорошей, как я и думала. Люди почему-то верят философам. Принадлежность к их ячейке — это как печать авторитетности. Почти никто не понимает, что на самом деле философы (из которых большинство мужчины) те еще извращенцы. Если бы на мое объявление откликнулся философ, я бы ни за что не ответила. Посчитала бы, что он эстетически ущербный, сексуально неудовлетворенный и затракает всякой мерзкой рыбной щетинистой гадостью.

В этом случае я воспользовалась ложными представлениями о моей специальности, так что Э.Г. пригласила меня на собеседование. Оно проходило вечером, так что оценить свет и окна не удалось. Квартира была на втором этаже. В прихожей пахло малиной с белым шоколадом. Э.Г. оказалась красивой: темно-рыжие волосы и невероятно зеленые глаза, как будто нарисованные акрилом, густым и вязким, блестящие белки. Она была на голову ниже меня, у нее было приятное круглое личико, благодаря которому она выглядела куда добрее, чем была, как впоследствии выяснилось. Э.Г. была уроженкой Мюнстера и строила карьеру в судебной медицине, но ее бережно хранимым тайным желанием (я узнала это позже из ее дневника) было стать актрисой.

— Дафна, так ведь? Я правильно произношу?

— Да, совершенно верно.

Она протянула руку; ее крошечная, с выпирающими костями и немного влажная кисть тре-